

Сочувствие и сострадание, но без колебаний.

Хотя я и догадывался о сложившейся ситуации, но после поглощения Элизиума у меня не оставалось выбора, кроме как уничтожить его.

Гниющая броня, прежде чем успела повернуть очередную уловку, бросилась на меня.

Бах!

=Нет! =

Это было очень близко.

Гниющая броня отчаянно пыталась защитить свое тело, созданное из поглощенных солдат.

Защищалась она руками своих жертв.

Но разница между только что родившимся демоном и богом была очевидна.

Чтобы противостоять мне, демону пришлось бы прибегнуть ко всем мыслимым и немыслимым хитростям.

А если не получится, то его ждет только избиение.

Бах, бах, бах.

Неспособность творить чудеса не означает слабость кулаков.

Наличие десятков рук не гарантирует защиту от мощных ударов.

Я наносил удары правым и левым кулаком, ломая руки Гниющей брони одну за другой.

=Теперь слушайте вы! =

Тарарах!

Несмотря на разрушения, ладони, поддерживавшие низ, двигались стремительно.

Гниющая броня начала тянуть свой меч по земле.

Вжииих!

Острие меча проехало по каменному полу, высекая искры.

Как только искры коснулись ободранных рук, пламя вспыхнуло с яростью лесного пожара.

Только тогда, сквозь обугленную плоть, стали видны предметы, находившиеся внутри рук жертв.

Бесчисленные мечи, копья, стрелы. Оружие, которым пользовался Легион.

Именно они, раскаленные докрасна, заменили кости в ободранных руках.

=Сражайтесь храбро, как сражались мы! =

Вжих...

Последние оставшиеся мышцы сократились, выпуская стрелы.

Раскаленные мечи и копья беспорядочно взметнулись в воздух.

Но звезды не станут просто наблюдать за угрозой.

Хранитель, наблюдавший за битвой с небес, снова вспыхнул.

- Чудо звёздной защиты, Защита Хранителя.

Серебристый звездный свет, выпущенный в небо, мгновенно погасил пылающие руки.

Не все они были уничтожены, но с оставшимися я справлюсь и сам.

— Ты ведь знал, на что идешь!

Бабах!!!

Кулак пробил руки и врезался в туловище.

Гниющая броня взвыла от боли, сотрясшей ее тело, и отлетела назад.

Я оттолкнулся от земли.

Все вокруг меня растянулось, превращаясь в линии.

Звук разорвался на части и исчез.

В этой странной сцене в своем обычном облике остались только я и демон передо мной.

...Я добрался до него раньше, чем он успел врезаться во что-нибудь.

— Сам-то смириться не смог!

Бабах!!!

Удар пришелся точно в цель. Я обрушил на него град ударов, не давая ему опомниться.

Бах, бах, бах, бах...

— Думаешь, демон заключил бы с тобой сделку просто так?!

Я впечатал его в землю и продолжал бить.

Гораздо сильнее и быстрее, чем Гниющая броня могла бы выставить свои руки на защиту.

К этому моменту в воздухе запахло сладким ароматом.

Все больше и больше людей восхищались моей силой, с которой я подавлял демона.

Но это не приносило мне утешения.

Я понял, почему Мать Мертворожденных тянула время.

— Если ты был готов к такому...

Вздыхнув со смесью сожаления и самоуничижения, я сжал кулак.

Гниющая броня уже была при смерти. Нанесенные мною удары намного превосходили предел ее прочности.

Если Гниющая броня еще и держалась, то только благодаря поглощенному Элизиуму.

Но она и так сильно пострадала, обнажив Элизиум, который должен был находиться в самой глубине.

Сияющие весы.

Элизиум Беспристрастного Судьи, непревзойденного в своей неопределенной власти.

Жаль, что их не два.

Я опустил кулак.

* * *

До того, как мир рухнул, люди были связаны с верой тем или иным образом.

Даже если под черным ночным небом она и утратила свой смысл, для людей вера была самой жизнью.

Будешь ли ты чтить небесные заповеди и людские законы?

Да.

Клянешься ли ты защищать невинных и слабых как сияющий маяк?

Клянусь.

Момент клятвы, когда дым, поднимавшийся из золотого кадила, сиял всеми цветами радуги.

Ради желанного положения и славы я обмакнул палец в пепел и нанес его на лоб, давая клятву.

Делать все, что в моих силах.

Но небо было черным как смоль, лишенным звезд.

Чтобы выжить, приходилось идти на компромиссы. Нельзя было отвергать предложения, руководствуясь одними лишь собственными убеждениями.

Условия, предложенные Матерью Мертворожденных, были слишком заманчивыми.

Так, используя человеческие слабости, зародилось семя падения.

Даже если это был контракт, обрекающий на превращение в демона, существовала клятва, которую нужно было сдержать.

Бесконечные атаки и истощающиеся с каждым днем ресурсы.

Тень смерти всегда была рядом, и дело было не только в монстрах.

[Легион и его солдаты будут защищать выживших от внешних врагов.]

Монстры, обладавшие самыми разными странными тактиками и способностями, были не по зубам одному человеку.

Они пожирали людей заживо, растворяя их плоть, разрывали на части даже кольчугу.

Чтобы противостоять их прочной шкуре заржавевшими клинками, приходилось рисковать жизнью.

Плата была очевидна.

Когда мы вспороли брюхо убитому монстру, внутри зашевелился солдат, чье тело едва держалось на костях благодаря доспехам.

— А-а-а, черт...

— Бен, ты...

— Я, я, я жив?

Если бы не доспехи, от человека не осталось бы и следа.

Даже боевые товарищи не могли сказать ему, что он жив, даже из вежливости.

Чудом сохранились голосовые связки.

А то, что он выжил, будучи полупереваренным желудочным соком и пережеванным зубами, было проклятием.

Только тогда мы поняли, насколько ужасна была эта сделка.

Сделка, заключенная для того, чтобы сдержать клятву и противостоять смерти, заставила нас жаждать смерти.

Те, кто пережил нападение, не могли избежать смерти.

Воинам всегда нужно много еды.

Но запасы продовольствия и так были на исходе, и, если бы пайки были сосредоточены только в одних руках, это привело бы к беспорядкам.

Только сократив количество едоков, можно было продержаться еще один день.

— Хорошо, что он хотя бы не страдает.

— Просил отрубить ему голову.

— Смерть от обезглавливания — это легкая смерть. Я бы предпочел обратиться, пока еще в более-менее сносном состоянии...

Солдаты, уже попавшие в ловушку договора с демоном, умоляли об этом, движимые долгом, чувством долга и, наконец, жаждой смерти.

И с уважением и дружбой к своим товарищам я отрубал им головы.

Это было ужасно, и на глаза наворачивались слезы скорби, но в то же время росла и гордость за солдат.

Никто не мог сравниться с гордостью за то, что мы защищаем людей вместе с отважными и самоотверженными героями.

Проблема была в тех самых людях, которых мы защищали.

После каждой битвы внешний вид солдат становился все более ужасающим.

Запах гниющей крови и всякой грязи въедался в кожу погибших.

Соответственно менялось и отношение к Легиону Львиного Щита.

Из солдат, на которых можно было положиться, они превратились в грабителей, которых следовало опасаться, из людей, которыми восхищались, в монстров, которых нужно остерегаться.

Я был готов, готов, это было то, чего я ожидал...

Слова, которые я твердил себе снова и снова, были забыты, когда вернувшийся солдат со слезами на глазах взмолился.

— К-командир легиона. Сделайте так, чтобы я ничего не видел и не слышал.

Это был солдат, чье тело едва держалось в изуродованных доспехах.

Бен. Тот, кто был съеден заживо и вернулся. Он потерял все, кроме голосовых связок.

Лицо, жизнь, честь...

...И семью.

Семья не смогла обнять Бена, когда он вернулся. Испугавшись, они отпрянули от него, окутанные страхом и отвращением.

[Легион и его солдаты не склонятся перед смертью до тех пор, пока не пожелают этого сами.]

Пока борьба продолжалась, на небе засияла новая звезда.

Все больше людей начали мечтать о будущем. Появились и те, кто улыбался, говоря, что раз появилась звезда, значит, появилась и надежда.

Но есть ли место ему и его солдатам под этим звездным небом?

Демон всегда пользовался слабостями людей.

[Посмотри на тех, кто насмехается над твоим решением и презирает его. Тех, кто смотрит только на взошедшую звезду и попирает твои жертвы и жертвы твоих солдат.]

Этот голос я услышал, стоя на стене и глядя в небо.

Оглядевшись по сторонам, я заметил, что слово «решимость» постепенно теряет свой смысл.

Взошедшая звезда ясно дала понять, в каком положении мы находимся.

В отличие от людей, которые просто смотрели наверх, слегка улыбаясь, солдаты...

...Солдаты, уже вкусившие смерть, не могли смотреть прямо на святой звездный свет и прятались в тени.

[Разве бог, сотворивший звезду, примет тебя? Разве он может заменить солнце, поделив с нами свой звездный свет?]

Мать Мертворожденных, как и всегда, говорила ласковым и нежным голосом.

[Вернись в объятия матери. С тебя хватит. Сколько еще ты будешь страдать?]

Пока все смотрели в небо, я смотрел вниз.

На своих солдат, скрывавшихся в тени, куда не проникал свет звезд.

Она, любившая мертвых и умирающих, сжалилась над выжившими.

[Покажи же тем, кто забыл о принесенных нами жертвах, глядя на звезды. В конце концов, мир без солнечного света не сможет поддерживать жизнь.]

Дрожащей рукой я сжал рукоять меча.

Вжих.

Как только стальной клинок обнажился, меня охватило жгучее сожаление.

[Только эта мать может обнять вас всех.]

Сквозь затуманенное слезами зрение я услышал хриплый голос.

— Легион, поднимите оружие!

И я перевернул меч в руке.

- Видение, показанное Элизиумом, на этом закончилось.

Рассеиваясь, видение подарило мне незнакомый голос.

[Ты ему сочувствуешь?]

— Да.

На долю одного человека выпало слишком много испытаний.

[Он был злодеем?]

— Нет.

Он не был плохим с самого начала.

Если бы мир не рухнул, его бы продолжали уважать.

[Тогда следует ли отложить суд?]

— Нет.

Послышался звук качающихся весов.

Это видение показывал мне Беспристрастный Судья, хозяин Элизиума.

Бог, который вершил правосудие, основываясь исключительно на результатах, какими бы ни были мотивы.

Он обладал невероятно могущественными карами, но, с другой стороны, каждый раз, когда я совершал зло, на меня налагалось наказание.

[По какому критерию?]

— По моему критерию.

[Самоуправство — это зло.]

Но он слабее божественности, которой обладаю я.

Я разрушил видение Беспристрастного Судьи своей волей и ответил.

— Разве хорошо, что бог, погибший, будучи съеденным заживо, вмешивается в чужие дела?

[...Суд еще не окончен.]

— Теперь судить буду я.

Я протянул руку и схватил весы, парившие в видении.

Для бога, утратившего всю свою силу и даже верующих, у меня была только одна кара.

— Ты приговариваешься к смертной казни за дезертирство и оставление поста.

- Хрясь.

* * *

Вернувшись в реальность, я увидел смерть демона.

— Н-не заключайте сделок...

Души, отмеченные печатью договора с демоном, уносились прочь.

Мне хотелось их спасти, но души, добровольно пожертвовавшие собой, уже нельзя было вернуть.

Если бы только до заключения контракта...

Монт смотрел на души своих солдат, уносимые черными руками, и горько раскаивался.

Его глаза, скрытые за забралом, были полны слез, а взгляд был устремлен на людей на стене.

— Надо было спасать не их, а моих солдат...

Каким бы сильным ни был человек, он не может выдержать всех испытаний.

Монт был не непоколебимым героем, а просто хорошим человеком.

В конце концов, Монт исчез, так и не справившись с раскаянием.

Оставив после себя только поглощенные души, ставшие частью Гниющей брони.

Золотая и черная пыль.

Разделенные души людей отправились в разные места.

Одна — в мои руки, другая — куда-то в темное ночное небо.

Я сжал руку, собрав в ладони звездную пыль.

— Мое божественное предназначение — Звездотворение. Моя миссия — создать новое солнце, которое заменит черное.

Когда я разжал кулак, крошечная звездочка начала источать из себя нечто.

Новая звезда тосковала по пылинкам, которые не смогли стать звездами, и сожалела о том, что не смогла их обнять.

— Я буду присматривать и за теми, кто идет вперед, и за теми, кто остался позади.

Звездотворение. Произнеся свое божественное предназначение и миссию, я поднял руку.

Прежде чем запустить ее, я сделал то, что должен был сделать.

— Вечная Слеза, омой высохший мир слезами раскаяния.

- Уникальное чудо, Имя.

Запущенная звезда, оставляя за собой длинный след из звездной пыли, устремилась ввысь.

Звездная пыль, падая, превратилась в дождь и с шумом обрушилась на землю, лишенную облаков.

Вскоре после этого черное солнце село.

Хранитель, защищавший тех, о ком я не мог позаботиться, начал меркнуть, израсходовав слишком много сил.

В этот момент внезапно вспыхнул Вестник.

Я знал, что он хочет мне сообщить.

— В подвале живой ребенок?